

IV Напряжение усиливается

Демонстрация съезда Советов

Вечером 12 июня, на том же заседании, где большевики были осуждены за подготовку демонстрации 10 июня, съезд Советов проголосовал за проведение своего собственного марша в воскресенье 18 июня. Авторами этого плохо продуманного предложения были меньшевики Дан, Богданов и Хинчук *, которые намеревались подобным образом примириться с озлобившимися большевиками и переориентировать проявившееся 10 июня массовое недовольство на поддержку съезда ¹. Этой мирной манифестацией, как заявлялось в «Известиях» накануне этого события, «революционная демократия хочет показать, что она требует всеобщего мира, без аннексий и контрибуций, с признанием права народов на самоопределение, сохранение единства революционного движения рабочих, крестьян и армии» ².

«Больше всего,— писали «Известия» 18 июня,— пусть покажет этот день, что тщетны расчеты врагов революции на междоусобицу в среде революционной демократии... Этот факт (объединенная демонстрация) лучше всяких слов покажет, что, ведя идейную борьбу, ни одна фракция или группа революционной демократии никогда и ни при каких условиях не попытается навязать силой свою точку зрения большинству; разногласия никогда не превратятся в братоубийственную войну».

Для подготовки этого грандиозного марша и участия в нем были приглашены все заводы, рабочие и профессиональные организации, а также политические партии, поскольку успех этой акции зависел прежде всего от того, сколько людей выйдет на улицы. Всем воинским частям было приказано не иметь при себе оружия. Даже Советы на местах получили указание провести в тот же день аналогичные демонстрации, по существу, во всех крупных городах России.

* Резолюция об устройстве 18 июня демонстрации была внесена от имени Президиума съезда.— *Ред.*

Петроградские большевики и подготовка демонстрации 18 июня

Имевшие большинство в Совете меньшевики и эсеры согласились принять участие в демонстрации, тогда как ЦК партии кадетов рекомендовал своим членам воздержаться. ЦК РСДРП(б), который все еще находился под огнем критики со стороны своих собственных членов (как слева, так и справа), рассмотрел этот вопрос на заседании 13 июня и одобрил участие большевиков в демонстрации. Как говорилось в резолюции ЦК, большевики всеми средствами будут пытаться «превратить демонстрацию против воли Совета за то, чтобы власть перешла к Совету»³.

На чрезвычайном заседании Петербургского комитета, состоявшемся позже в тот же день, Зиновьев разъяснил позицию ЦК. Предлагаемая демонстрация, говорил он, представляет собой «политическое средство давления на правительство». И задача большевиков в этой ситуации — «устроить демонстрацию в демонстрации». Под лозунгами 10 июня и некоторыми новыми должны выйти не только члены партии, но и профсоюзы, группы от предприятий и воинских частей. Зиновьев призвал наводнить Петроград листовками, ибо, по его мнению, «переход власти к Советам созрел»⁴.

Первая реакция Петербургского комитета на это предложение была неоднозначна, причем некоторые его члены отнеслись к нему с изрядной долей скепсиса. Томский, например, выразил сомнение, располагает ли партия техническими средствами, чтобы привлечь демонстрацию на свою сторону. Если бы демонстрация 10 июня не была отменена, считал он, то теперь большевики доминировали бы в Петрограде и не были бы вынуждены идти вслед за Советом. Другие ораторы также не проявили особого энтузиазма. Стуков, например, утверждал, что наилучшим способом показать свое неприятие политики Совета — это не участвовать в демонстрации вообще. И. А. Рахья предложил выразить порицание члену ЦК, одному из лидеров фракции большевиков в Совете, Г. Ф. Федорову, за то, что он позволил поставить партию в такое неприглядное положение, но позже он согласился с большинством, что «необходимо воспроизвести точную копию... не состоявшегося 10 июня шествия».

ПК принял решение немедленно приступить к изгото-

влению плакатов, к подготовке массовых митингов и печатанию листовок от имени «ЦК РСДРП(б), районных комитетов, Центрального бюро профсоюзов, общегородского центра фабрично-заводских комитетов, от отдельных фабрик и заводов, от беспартийных организаций и отдельных воинских частей». Была также исправлена прежняя ошибка: на этот раз решили выделить двух человек для координации планов проведения демонстрации с фракцией большевиков на съезде Советов. После этих резолюций была принята и поправка Томского. В соответствии с нею все члены партии обязывались идти под лозунгами большевиков, даже если лозунги их заводов были другими. Эти намерения большевиков были обнародованы в «Правде» на следующий день. В передовой статье объявлялось, что революционный пролетариат пойдет своим путем, что примет участие в шествии 18 июня для продолжения борьбы за цели, намеченные еще на 10 июня.

14 июня после провозглашения большевиками намерения использовать организуемую съездом демонстрацию в своих целях в Петроградский Совет было внесено предложение разрешить только лозунги, согласованные организаторами марша в Совете. Г. Ф. Федоров от имени большевиков и И. С. Блейхман — от анархистов-коммунистов высмеяли это предложение, заявив, что их организации выйдут только под своими знаменами (Федоров даже подчеркнул, что первым и самым главным будет лозунг «Вся власть Советам») ⁵. Право большевиков и анархистов на подобные действия более не оспаривалось. На том же заседании была предпринята робкая попытка отменить демонстрацию. Однако большинство делегатов от меньшевиков и эсеров все еще недооценивали силу левых и нестабильность ситуации, поэтому предложение об отмене было отклонено ⁶.

Большевики против анархистов

Тем временем анархисты-коммунисты строили собственные планы. По-видимому, почти сразу после вынужденного отказа от проведения демонстраций 10 июня анархисты-коммунисты через свой Временный революционный комитет приступили к подготовке независимой демонстрации, намеченной на 14 июня ⁷. Листовки анархистов-коммунистов приглашали коллективы заводов

и воинских частей направить своих представителей на экстренные организационные собрания 11, 12 и 13 июня. И хотя точных данных об участниках у нас нет, очевидно, что эти приглашения были с готовностью приняты. В этих встречах участвовали также многие рядовые большевики, недовольные медлительностью своей собственной партии ⁸.

Большевики, стремившиеся мобилизовать как можно больше левых сил для демонстрации 18 июня, с озабоченностью взирали на деятельность анархистов-коммунистов. Больше всего их беспокоило, что номинально большевистские ряды в результате этого редеют. 14 июня в «Правде» выступил со статьей Сталин, который осудил действия анархистов-коммунистов как «пагубные для дела рабочей революции». «Теперь наша задача — добиться того, чтобы демонстрация в Петрограде 18 июня прошла под нашими революционными лозунгами,— писал он.— И именно поэтому мы должны в корне пресечь всякие анархические выступления для того, чтобы тем энергичнее подготовиться к демонстрации 18 июня».

Вопрос о действиях против анархистов-коммунистов был одним из главных на заседании Петербургского комитета 13 июня ⁹. Рахья открыл прения докладом от имени Исполнительной комиссии. Он объявил, что в комиссию поступило много запросов от заводских коллективов с просьбой объяснить, какой линии поведения придерживаться по отношению к приглашениям анархистов-коммунистов. Исполнительная комиссия рекомендовала игнорировать их. Несмотря на это, явствовало из доклада Рахьи, на анархистском митинге 12 июня присутствовали представители 150 заводов и воинских частей, а на 7 часов вечера того же дня было запланировано еще одно обсуждение предстоящей демонстрации. Рахья заявил, что для нейтрализации деятельности Временного революционного комитета на этот митинг решено направить двух своих людей. Он настаивал на одобрении этих предварительных мер, а также требовал, чтобы Петербургский комитет выработал пути подавления анархистов и не допустил участия большевиков и их сторонников в качестве делегатов на анархистских сходках.

Серьезность и тщательность обсуждения проблемы на этом и аналогичных заседаниях подтверждают факт, что в сложившейся на тот момент в Петрограде обстановке на анархистов-коммунистов нельзя было смотреть сквозь пальцы. «Анархисты опасны тем,— говорил тот же Ра-

хья,— что могут вызвать массу в 2—3 тысячи на улицу и вызвать столкновение, которое подорвет в корне революцию и вызовет контрреволюцию». Он заявил: «Если 2—3 завода выйдут и прольется их кровь, то всколыхнется весь Петроград». С ним согласился Данилевский, который обратил внимание на то, что среди военных страсти достигли предела и что Павловский полк, как и некоторые другие, направил во Временный революционный комитет своих представителей и выйдет на демонстрацию по его просьбе.

Представитель Выборгского районного комитета Лацис, председательствовавший на заседании, сообщил, что Выборгский комитет уже пытался отозвать своих людей с анархистских собраний. Они отказались это сделать, согласившись лишь не участвовать в голосовании. В. В. Сахаров, один из лидеров Военной организации, работавший в 1-м пехотном запасном полку, подчеркнул, что солдаты не в состоянии отличить социалистов от других партий. «Многие из солдат-большевиков,— сказал он,— ходят к анархистам и удивляются, почему большевики не поддерживают анархистов, тогда как анархисты всегда стоят на стороне большевиков».

Несмотря на свою озабоченность анархистской угрозой, Томский предупреждал о недопустимости полного разрыва: «Отгородившись от анархистов, мы можем отгородить себя от масс». Сахаров был того же мнения и поддержал предложение о целесообразности повлиять на анархистов «изнутри». В итоге Петербургский комитет решил противодействовать анархистам всеми силами, чтобы предотвратить проведение любых демонстраций до 18 июня. Для этого предполагалось просить все районные комитеты большевиков отозвать своих людей из Временного революционного комитета и направить делегатов на дачу Дурново, «чтобы собравшиеся там рабочие узнали о позиции большевиков». Присутствовать на собраниях анархистов поручили И. Ф. Кодатскому (от Выборгского района) и В. В. Сахарову.

Во исполнение этих решений 14 июня «Правда» напечатала призыв, который заканчивался словами: «ПК считает необходимым решительно заявить, что всякие разрозненные действия отдельных частей солдат и рабочих могут нанести глубочайший вред делу революции, а потому какие бы то ни было выступления без призыва ЦК, ПК и ВО считать безусловно недопустимыми...»¹⁰ Трудно сказать, что возымело большее действие — призыв

в «Правде» или попытки большевиков влиять на анархистов «изнутри». Как бы то ни было, анархистская демонстрация в назначенный день не состоялась.

Демонстрация 18 июня ¹¹

Было бы ошибкой предположить, что только большевики придавали такое большое значение демонстрации, намечаемой съездом Советов. Безусловно, ни одна другая партия не пыталась копировать «тактический блицкриг» большевиков, а многие умеренные лидеры Совета даже сомневались в целесообразности и, особенно, в своевременности этой демонстрации ¹². Однако после того как марш был назначен, съезд в целом, а также меньшевики и эсеры сделали все, чтобы он проходил организованно и под лозунгами съезда. Для решения организационных и административных вопросов был создан специальный комитет по проведению демонстрации, в который вошли представители всех партий. Возглавил его Богданов ¹³. Комитет разработал порядок прохождения колонн, маршруты, детальный церемониал и 15—18 июня опубликовал в «Известиях» массу подробнейших инструкций. В этот период большое внимание демонстрации уделяли меньшевистская «Рабочая газета», эсеровская газета «Дело народа», а также «Правда». Орган Межрайонного комитета «Вперед» поддерживал многие из большевистских лозунгов, а группа Плеханова «Единство» призывала своих сторонников выйти на демонстрацию от лица «сильного демократического движения» и «поддержать Временное правительство». Крайне правая «Маленькая газета» звала своих читателей на демонстрацию, чтобы выразить свою волю «соответствующими лозунгами». И только либеральная газета «Речь» по-прежнему настаивала на бойкотировании предстоящего шествия.

Как ни странно, 17 июня большая часть первой страницы «Правды» была занята текстом слегка переработанной листовки Сталина к демонстрации 10 июня, которая вызвала бурную реакцию, после того как Гегечкори зачитал ее 9 июня перед съездом. На этот раз среди призывов были все лозунги 10 июня, в том числе с требованием отставки «10 министров-капиталистов» и передачи власти Советам. К ним были своевременно добавлены лозунги: «Пересмотреть Декларацию прав солдата», «Долой

разоружение революционных рабочих», «Против политики наступления», так как они представляли особый интерес для игравших ключевую роль частей гарнизона. «Готовьтесь к воскресной демонстрации», — призывала «Правда» в другой передовой статье накануне марша. «Демонстрация должна стать не просто прогулкой, а политическим смотром сил, — продолжала газета большевиков. — Демонстрация должна стать орудием давления со стороны революционного пролетариата и революционных солдат для практического проведения в жизнь их требований. За работу! Время не ждет!»

Перед демонстрацией 18 июня большевики искусно провели широкую политическую кампанию, несмотря на то что подобные действия ранее в России не практиковались. Большевики не были запятнаны сотрудничеством с Временным правительством и поэтому могли свободно критиковать его и обещать массам все, что угодно. Их призывы базировались в основном на эмоциях. Солдатам гарнизона большевики говорили: если вы не хотите погибать на фронте, если вы не хотите возврата к царской дисциплине, если вы хотите улучшить свои жилищные условия и добиться перераспределения земли — идите за нами. Для привлечения на свою сторону рабочих они среди прочего требовали повышения заработной платы, 8-часового рабочего дня, установления на предприятиях рабочего контроля и обуздания инфляции. На передний план большевистские агитаторы выдвигали омерзительный лик контрреволюции. Основные идеи их выступлений совпадали с постоянно проповедовавшимися в «Правде» и «Солдатской правде» после возвращения Ленина в Петроград в апреле 1917 г. Но на этот раз они (идеи) лавиной обрушивались на население в течение пяти дней. При помощи почти ста прибывших в столицу опытных пропагандистов (делегатов Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б), открывшейся в Петрограде 16 июня), которые действовали через ячейки, созданные практически на всех предприятиях и в воинских частях, большевики смогли эффективно распространить свое влияние по всему городу.

Лишь немногие рабочие и солдаты, изначально отдавшие свои голоса меньшевикам и эсерам, ясно представляли себе программы этих двух партий. Поэтому нет ничего удивительного в том, что накануне демонстрации, 17 июня, даже на тех заводах, где социалистические партии чувствовали себя наиболее уверенно, были приняты

резолуции, одобрявшие лозунги большевиков. При случае эти рабочие снова проголосовали бы за меньшевиков и эсеров, однако в тот момент они или проявляли полную апатию, или встали на сторону большевиков ¹⁴. «Идет усиленная подготовка к демонстрации,— записал в своем дневнике Лацис 15 июня.— Сегодня состоялось совещание заводских представителей. Принимается решение выступить с теми же лозунгами, которые были заготовлены к отмененной демонстрации». В записи, датированной следующим днем, можно прочесть: «Заводы справляются своими силами... Как выросли наши рабочие!» И накануне: «Подготовка проходит удачно. По всем заводам на общих собраниях принимаются наши лозунги, то же в войсковых частях» ¹⁵.

Этот сдвиг влево не прошел незамеченным. В своем пророческом докладе Керенскому, датированном 17 июня, командующий Петроградским военным округом генерал П. А. Половцев отмечал, что в настроении масс наблюдается постоянное изменение. «Недовольство растет как на почве еще неясно осознанной потребности к более определенной организации, так и на почве неудовлетворительной организации продовольствия, растущей дороговизны, тесноты размещения в казармах, все еще не решенного вопроса об увеличении пайка семьям и т. д. Отсюда нарастание недовольства Временным правительством и увеличивающееся течение в пользу лозунга «Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов!». При этих условиях, несмотря на все принимаемые меры, нельзя быть уверенным, что предстоящая 18 июня грандиозная манифестация не выльется в нежелательные формы» ¹⁶.

В воскресенье 18 июня было ясно и ветренно — идеальная погода для парадов ¹⁷. Было тепло уже рано утром, когда толпы солдат и рабочих начали собираться в назначенных пунктах по всему городу; а в 9.00 под звуки «Марсельезы» первые группы демонстрантов начали движение вниз по Невскому проспекту. Во главе шли Исполком Петроградского Совета и Президиум съезда, в том числе Чхеидзе, Гоц, Дан, Гегечкори и Богданов. У могилы жертв Февральской революции на Марсовом поле лидеры Совета и делегаты съезда, которые шли вслед за ними, покинули ряды демонстрантов, чтобы иметь возможность наблюдать за прохождением колонн с возвышенных точек. Мимо них в торжественном молчании проходили ряды солдат и рабочих, опускавших свои знамена в честь павших героев.

Грандиозная демонстрация (она продолжалась практически весь день) однозначно подтвердила привлекательность программы большевиков и эффективность их методов. Район за районом, завод за заводом проходили участники манифестации, общая численность которой составила более 400 тысяч человек *, причем все опубликованные источники свидетельствуют, что в море большевистских лозунгов и плакатов лишь изредка мелькали лозунги съезда. Многие районы, большинство заводов и все главные воинские части гарнизона, включая 1-й пулеметный, Павловский, Гренадерский, Московский, Финляндский, Измайловский, Егерский, 171-й запасный, 1-й запасный и 6-й саперный полки, шли без оружия, преимущественно под большевистскими лозунгами. «Кое-где,— вспоминал Н. Н. Суханов,— цепь большевистских знамен и колонн прерывалась специфическими эсеровскими и официальными советскими лозунгами. Но они тонули в массе; они казались исключением, нарочито подтверждающим достоверность правила. И снова, и снова, как непреложный зов самых недр революционной столицы, как сама судьба, как роковой Бирнамский лес ** — двигалось на нас: «Вся власть Советам!», «Долой 10 министров-капиталистов!»¹⁸ Другой мемуарист, которого ни в коем случае нельзя обвинить в симпатиях к левым силам, отмечает то же самое. Павел Милюков писал, что демонстрация 18 июня «показала еще раз, что в Петрограде, безусловно, преобладают большевистские лозунги и настроения и что даже в дружественной правительству манифестации — говорить о поддержке коалиционного правительства было просто невозможно»¹⁹.

Среди представителей промышленных предприятий и воинских частей Петроградской стороны были моряки Кронштадта²⁰, члены ЦК большевиков, а также многие делегаты Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б). Наиболее многочисленные колонны — от Выборгского района — прошли перед трибунами примерно в полдень. Их возглавляли члены преимущественно большевистского Выборгского районного Совета; а в составе верных им заводов и воинских частей уверенно шли анархисты-коммунисты. Из всех демонстрантов только они шли по Марсову полю при оружии, распевая песни, произнося короткие речи и размахивая черными знаменами с надписями: «Долой

* По другим, тоже ориентировочным данным, в демонстрации 18 июня приняло участие около 500 тысяч человек.— *Ред.*

** *Шекспир У. Макбет.*

правительство и капитал!» и «За создание коммуны!» Оттуда анархисты вернулись в Выборгский район и устроили там единственный серьезный инцидент, происшедший в этой на редкость мирной демонстрации.

Бегство Ф. П. Хаустова и разгром дачи Дурново Временным правительством ²¹

Планируя демонстрацию 18 июня, Временный революционный комитет анархистов решил превзойти большевиков. 9 июня Временным правительством по обвинению в измене за статьи, направленные против предстоящего наступления на фронте, был арестован Ф. П. Хаустов, редактор «Окопной правды» — фронтовой газеты Военной организации РСДРП(б). Подобно большинству членов Военной организации, этот офицер 7-й армии примкнул к большевикам только после Февральской революции. Как вспоминает в своих мемуарах Ф. Ф. Раскольников, «в нем преобладало инстинктивное, тяготеющее к анархизму бунтарство» ²². 17 июня Всероссийская конференция военных организаций РСДРП(б) приняла резолюцию о его освобождении из тюрьмы ²³, а 18-го во время демонстрации несколько делегатов конференции подошли на трибуне к Чхеидзе и потребовали освобождения Хаустова до наступления ночи. Чхеидзе согласился рассмотреть этот вопрос, и делегация вернулась в колонну ²⁴. Тем временем в 3 часа дня, когда демонстрация была в полном разгаре, толпа анархистов-коммунистов и вооруженных солдат (примерно 1500—2000 человек) явилась в «Кресты», где содержался Хаустов, и силой оружия освободила его. Выйдя на волю, Хаустов потребовал освобождения еще нескольких политических заключенных, и через непродолжительное время они также оказались на свободе. После этого анархисты покинули тюрьму вместе с обретшими свободу революционерами и, по-видимому, вернулись на дачу Дурново.

Весть о незаконном освобождении Хаустова достигла Временного правительства, которое немедленно созвало экстренное заседание для заслушивания по этому вопросу министра юстиции П. Н. Переверзева. После его доклада правительство предоставило министру полномочия, вплоть до применения силы, для ареста беглецов и тех, кто организовал их побег.

Ранним утром следующего дня этот приказ был выполнен. Согласно официальному правительственному докла-

ду, в 3 часа утра 19 июня подразделения Преображенского и Семеновского полков, полк казаков и несколько броневиков под командованием генерала Половцева и в присутствии министра Переверзева и прокурора Н. С. Каринского окружили дачу Дурново. После того как требование Временного правительства о выдаче беглецов и обыске помещений было отвергнуто, генерал Половцев отдал приказ занять штаб анархистов. Анархисты-коммунисты оказали сопротивление. В наступавших было брошено несколько бомб, однако они не взорвались, и воинские части быстро захватили дачу. Все 60 рабочих, солдат и матросов, находившихся в тот момент на даче, были арестованы и отправлены в тюрьму. Среди них было и несколько «беглецов», хотя сам Хаустов отсутствовал. Единственной жертвой в этой неравной битве стал один из лидеров анархистов-коммунистов — Аснин. По материалам официального расследования, он был случайно застрелен при попытке вырвать винтовку у одного из нападавших солдат.

Июньское наступление

Разгром дачи Дурново Временным правительством ускорил еще один всплеск волнений среди рабочих и солдат Выборгского района. События, связанные с началом июньского наступления, имели схожие последствия, и теперь мы должны обратиться именно к этому вопросу. Данное исследование не ставит перед собой целью тщательный анализ общей ситуации на фронте и планирования июньского наступления, его связи с согласованными военными усилиями союзников, а также возникших затруднений в результате почти полного развала дисциплины после Февральской революции. Будет вполне достаточным сказать, что среди инициаторов наступления были военный министр А. Ф. Керенский и Генеральный штаб, которые рассматривали его как средство восстановления боеспособности дезорганизованных и деморализованных войск на фронте и в тылу, восстановления пошатнувшегося международного авторитета страны и объединения разобщенного российского общества под знаменем Временного правительства. Несмотря на очевидную рискованность этого предприятия, такую линию действия с различной долей энтузиазма поддерживали союзники, все правоцентристские элементы российского общества, а также кадеты, меньшевики и эсеры.

В военном отношении наступление было задумано так, чтобы вынудить Германию перебросить свои войска с Западного фронта и тем самым способствовать сохранению установившегося там равновесия до прибытия крупных свежих сил США. 12 июня, несмотря на некоторую оппозицию (главным образом со стороны большевиков), Керенскому удалось добиться молчаливого согласия съезда Советов на возобновление военных действий²⁵, после чего он незамедлительно отбыл в Тернополь, главный удерживаемый русскими войсками город Галиции, чтобы лично отдать приказ о начале наступления. Устроив большую шумиху, 16 июня Керенский объявил войскам о наступлении, а соответствующее официальное заявление было сделано в столице 19 июня. Накануне, 18 июня, части 7-й и 11-й русских армий перешли в наступление на Юго-Западном фронте в направлении занятого австрийцами Лемберга (Львова).

С самого начала отношение к наступлению в стране и на фронте было неоднозначно. В Петрограде это известие было встречено грандиозным взрывом патриотизма со стороны среднего и высшего слоев буржуазии. Временное правительство, съезд Советов, все ведущие партии, за исключением большевиков, а также все основные газеты (кроме «Правды») превозносили возобновление активных военных действий с энтузиазмом, который граничил с безумием. «В этот решающий час,— говорилось в официальном заявлении съезда,— Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов и Исполнительный комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов призывают страну напярчь все силы на помощь армии. Крестьяне — дайте армии хлеб. Рабочие — пусть армия не терпит недостатка в снарядах. Солдаты и офицеры тыла — маршевыми ротами и целыми полками по первому призыву идите на фронт. Граждане — помните все о вашем долге. Никто не смеет в эти дни уклоняться от выполнения долга перед родиной»²⁶. Несмотря на эти призывы, во многих частях гарнизона и среди заводских рабочих, где движение за окончание войны и влияние большевиков были наиболее сильны, преобладало либо безразличие, либо открытое неповиновение. Некоторые полки и заводы незамедлительно приняли резолюции (часть из них была опубликована в «Правде» и «Солдатской правде»), напрямую осуждавшие наступление и требовавшие передачи власти Советам²⁷.

Обстановка на фронте была точно такой же, как в Петроградском гарнизоне. Сначала наступление русских войск (в результате огромного численного пере-

веса, тщательной артиллерийской подготовки и низкого боевого духа противостоящих австрийских сил) было поразительно успешным, однако одновременно от командующих дивизиями поступали зловещие по смыслу секретные донесения, в которых говорилось об общем нежелании сражаться, массовом дезертирстве и коллективном невыполнении приказов²⁸. В шифровке Временному правительству от 24 июня подавленный Керенский сообщал:

«Громадным напряжением нравственного воздействия удалось двинуть армию в наступление и создать на первые дни настроение порыва и воодушевления. Но во многих случаях порыв оказался неустойчивым и после первых дней, а иногда даже часов боя сменился упадком духа. Вместо того чтобы развивать первоначальный успех, части, участвовавшие в боях, стали составлять резолюции с требованием немедленного ухода в тыл, на отдых, так что с трудом удалось уговорить их оставаться на месте и не было возможности двинуть в наступление»²⁹.

Такая мрачная картина большей частью скрывалась от русской общественности — всю последнюю неделю июня ежедневные официальные военные сводки продолжали рисовать обстановку в розовых тонах. Однако уже к началу июля, за несколько дней до массированного контрнаступления германских войск, даже в официальных сообщениях появились намеки, что первоначальное наступление русских остановлено. 3 июля в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей», то есть примерно в одно время с началом июльского восстания, появилось тревожное известие о том, что русские силы повсеместно атакованы и несут тяжелые потери. Но об этом рассказ еще впереди. А прежде мы должны рассмотреть, как развивались события на Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б), которая, как уже говорилось, открылась 16 июня в особняке Кшесинской.

Всероссийская конференция военных организаций большевиков и нарастание волнений

Произошедшим на этой конференции событиям, как, впрочем, и многим другим важным вопросам, история партии большевиков уделяет мало внимания, в то время как эти уникальные по своей сути заседания заслуживают самого пристального изучения³⁰. Именно здесь впервые

встретились представители фронтовых и тыловых частей Военной организации большевиков, чтобы определиться в руководстве, разработать структуру и программу Всероссийской военной организации, оценить обстановку внутри вооруженных сил ³¹. В предварительном обращении к делегатам говорилось, что конференция призвана «выработать единообразный план действий, договориться о самых важных вопросах текущего момента и выковать единую волю, чтобы можно было действовать всюду и везде на всю армию и подготовить эту армию к дальнейшему расширению и углублению революции» ³².

В работе конференции участвовало 107 делегатов от Петроградского и провинциальных гарнизонов, а также от воинских частей Северного, Западного и Юго-Западного фронтов. Потом на VI съезде РСДРП(б) Подвойский доложил, что эти делегаты представляли 26 тысяч членов РСДРП(б) 43 фронтовых и 17 тыловых частей. Другой участник конференции называет цифру 30 тысяч членов Военной организации ³³. В основном делегаты были рядовыми солдатами, хотя небольшое количество офицеров и гражданских лиц участвовали в конференции. За редкими исключениями, все они вступили в РСДРП(б) в 1917 г. ³⁴

Нельзя забывать о том, что конференция проходила в напряженный период непосредственно до и после демонстрации, разгрома дачи Дурново и начала наступления на фронте — с 16 по 23 июня. Участники конференции сыграли ключевую роль в демонстрации съезда ³⁵ и испытывали чувство победы в тот самый момент, когда началось ненавистное им наступление. Многие солдаты-делегаты приходили на заседания прямо из бурлящих казарм, с винтовками за спиной и готовые действовать ³⁶. Немало рядовых членов Военной организации Петроградского гарнизона видели в конференции не что иное, как орган и средство для захвата власти ³⁷. «Половину всего времени мы были вынуждены успокаивать массы», — объяснял на VI съезде РСДРП(б) Подвойский ³⁸. Только вмешательство Ленина утром 20 июня позволило на время остановить тенденцию к немедленному началу восстания. Вот почему изучение конференции просто необходимо, ведь проявленные там нетерпимость, анархия и воинственность в некотором смысле дали толчок июльскому восстанию.

Практическая работа конференции началась 16 июня

с заслушивания на вечернем заседании отчетов местных отделений Военной организации. В отчетах и прениях поднимались такие вопросы, как братание, отношения между военными организациями частей и полковыми комитетами, сильные и слабые стороны большевистской пропаганды и организационных мероприятий на фронте, наступление, трудности, вызванные антибольшевистскими репрессиями. Это продолжалось весь вечер. На следующий день (17 июня) делал доклад обычно сдержанный Зиновьев, который, очевидно, воодушевленный общим настроением, сказал: «Перед нами выбор — смерть в окопах во имя чуждых нам интересов или на баррикадах — за наше дело»³⁹. К этому времени акцент в работе конференции начал смещаться к подготовке предстоявшей на следующий день демонстрации, причем многие рассматривали складывавшуюся ситуацию как начало решающей схватки с Временным правительством. Приведенные ниже отрывки из статьи А. Я. Аросева⁴⁰, опубликованной 17 июня в Бюллетене конференции, отражают общее настроение ее участников:

«Наша... военная конференция собирается в тот момент, когда вся российская политическая жизнь делает поворот. Поэтому среди конференентов непрерывно ведутся споры и разговоры о предстоящей демонстрации 18 июня, о переходе власти из рук Временного правительства в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. Из частных бесед видно, что товарищи конферененты думают, что лучшие силы агитаторов, какие есть на конференции, надо немедленно пустить в ход, на агитацию в казармы. Почти все съехавшиеся товарищи солдаты сообщают, что свои местные организации они покинули в момент сильного возбуждения, в момент яркого и ясно выраженного протеста против захватной политики правительства, против приказов Керенского. Отовсюду слышатся голоса товарищей солдат, что настало время решительной схватки за власть, что репрессии со стороны Временного правительства вызывают явное возмущение целых воинских частей, и смешно говорить о том, что репрессиями, расформированиями, каторгой и смертной казнью можно было вдохнуть в солдат волю для захватнического наступления. Тот рост социал-демократических организаций, который наблюдался за последнее время, и та волна возмущения, которая подымается все выше и выше, — вливают силу и бодрость в сердца съехавшихся товарищей, вливая

жажду и сильную волю к последнему напряжению великой борьбы».

Опубликованные в Бюллетене эта и аналогичные ей статьи ценны тем, что они отражают широкий интерес членов Военной организации к немедленному началу решающих действий.

Для того чтобы делегаты съезда смогли принять участие в подготовке демонстрации, днем и вечером 17 июня заседаний не было. Таким образом, очередное заседание состоялось только вечером 18 июня, вскоре после завершения демонстрации. По свидетельству очевидцев, к этому моменту на конференции безраздельно властвовал дух победы и бунтарства. Это стало особенно заметно после подтверждения слухов о начале наступления ⁴¹. Всеобщее возбуждение еще более усилилось, когда стало известно, что первым выступающим на вечернем заседании будет только что освобожденный анархистами из тюрьмы Ф. П. Хаустов. И в Бюллетене конференции, и в «Окопной правде» было опубликовано сообщение о его выступлении, однако ни один из этих органов не привел содержание его речи ⁴².

После выступления Хаустова начались доклады местных организаций. Как вспоминает М. С. Кедров, «доклады с мест казались устаревшими, так как с фронта ползла уже зловещая весть, что революционные армии, повинаясь приказу «социалиста» Керенского, идут умирать во славу английских, французских и прочих империалистов... Все делегаты находились под впечатлением грандиозной демонстрации, и доклады слушались вяло» ⁴³. В мемуарах Н. И. Подвойского читаем, что на этом этапе конференции «время от времени на трибуну стали подниматься делегаты от Петроградского гарнизона с требованием прекратить обсуждение стоящих перед конференцией вопросов и превратить ее в оперативный штаб вооруженного восстания» ⁴⁴.

К сожалению, опубликовано очень мало документальных материалов, которые могли бы свидетельствовать о реакции лидеров ЦК и Военной организации на эти требования. Кое-какая информация на этот счет содержится в воспоминаниях Подвойского. В них, в частности, говорится, что на состоявшемся через два часа после демонстрации неофициальном заседании ЦК он спросил Ленина, что делать дальше. Он якобы сказал Ленину: «Мы имеем перед собою ход событий, который, несомненно, заставит нас сделать решительные шаги: вслед за

демонстрацией воли массы потребуют демонстрации силы». Подвойский пишет, что в ответ Ленин настаивал на необходимости проявления чрезвычайной осторожности со стороны Военной организации:

«Тов. Ленин указал, что демонстрацией пролетариат ничего не добился. Он (пролетариат) должен с нею вместе похоронить иллюзию на мирную возможность передачи власти Советам. Власть не передают: ее берут с оружием в руках. Ход событий будет таков: буржуазия, поняв силу нашей организации, учтя колоссальную скорость овладения массами, не даст нам возможности окончательно овладеть ими и употребит все усилия, чтобы спровоцировать эти массы в такое выступление, которое, вызвав репрессии, разобьет и разделит их. Поэтому мы должны самым интенсивным образом заниматься организацией, поставив ее под определенным знаком — знаком невозможности добиться власти мирными способами. Необходимо дать пролетариату указания, что вся организация его силы в конечном счете имеет восстание если не через дни, не в ближайшие недели, то, во всяком случае, в ближайшем будущем»⁴⁵.

Подвойский указывает далее, что под этим же углом зрения вопрос о подготовке пролетариата был поставлен на открывшейся вскоре конференции военных организаций. Таким образом, если верить Подвойскому, делегаты были проинструктированы не играть на руку правительству, устраивая плохо организованное преждевременное восстание, а готовиться к решающему сражению «если не через дни, не в ближайшие недели, то, во всяком случае, в ближайшем будущем».

На следующее утро (19 июня), несмотря на волнения в Выборгском районе после разгрома правительством дачи Дурново, конференции удалось решить несколько формальных вопросов. Подвойский произнес ранее запланированную речь о целях Всероссийской военной организации. Среди прочего он заявил, что одна из главных ее задач — «разрушить постоянную армию и вооружить весь народ». Он также остановился на задачах Военной организации по распространению революционных идей среди крестьянства. «Наша цель, — сказал он, — зарядить идеями как можно больше голов, чтобы они, вернувшись в деревню, способствовали быстрому разрастанию организационного начала, при помощи которого мы можем завоевать влияние на селе»⁴⁶.

Такие важные моменты, как улучшение организацион-

ного уровня и укрепление партийной дисциплины, были затронуты в выступлении В. И. Невского. «В настоящий момент,— признал он,— Петербургская организация не может похвалиться своей организацией... Есть полки, в которых мы имеем большое влияние, но там нет формальных организаций»⁴⁷. Возможно, под давлением ЦК Невский указал на необходимость координации усилий Военной организации и Центрального Комитета. Он отметил, что хотя «Военная организация имеет особый характер (то есть представляет собой мощную боевую единицу.— *А. Р.*) и что хотя солдаты находятся в особых условиях (вероятно, он подразумевал наступление и призыв новобранцев в части гарнизона и, следовательно, срочный характер требований военных.— *А. Р.*), она должна стать составной частью постоянно действующей партийной организации»⁴⁸.

Ввиду того что Невский выступил непосредственно после демонстрации, которая в глазах большинства солдат-большевиков была недвусмысленным проявлением силы и организованности, вероятно, его речь не была воспринята всерьез. Тем не менее заявление его было своевременным. На следующий день (20 июня), когда наиболее ответственные большевики призывали к терпению, порядку и партийной дисциплине, представители 1-го пулеметного полка, в составе которого было много номинальных большевиков, уже начали зондировать обстановку в других полках на предмет немедленного восстания против Временного правительства независимо от мнения партийного центра. Вследствие этого нам представляется необходимым до проведения окончательного анализа завершающей фазы конференции военных организаций обратить внимание на возрастание в столице волнений.

Обстановка в Выборгском районе обостряется

Разгром Временным правительством дачи Дурново, арест анархистов и, особенно, смерть Аснина дали толчок новой волне беспорядков, подобно аналогичным событиям 7 июня. Как и тогда, порядок и единство нации имели необычайно важное значение для успешного проведения военных действий. Утром 19 июня рабочие заводов «Розенкранц», «Феникс», «Старый Парвайнен» и «Промет», а также Металлического, расположенных в непо-

средственной близости от дачи Дурново, начали забастовку⁴⁹. Толпы Выборгских рабочих вместе со своими семьями собрались на даче, где во дворе перед входом было выставлено обложенное льдом тело Аснина. Как сообщали 20 июня «Известия», весь день мимо тела покойного проходила вереница старух с покрытыми головами, которые крестились и делали пожертвования в стоявшую рядом коробку.

Представители заводов Выборгского района были направлены в Исполком Петроградского Совета, чтобы заявить протест против разгрома анархистского штаба, «убийства» Аснина и массовых арестов. В ответ на эти требования Исполком незамедлительно назначил комиссию по расследованию, отдал приказ об освобождении всех заключенных, против которых не было предъявлено обвинений в конкретных преступлениях, и призвал рабочих сохранять спокойствие и вернуться на рабочие места⁵⁰. Примерно в это же время анархисты-коммунисты завода «Розенкранц» послали своих представителей в размещенные в Выборгском районе 1-й пулеметный и Московский полки с предложением провести демонстрацию против Временного правительства. Сначала эти предложения были отвергнуты⁵¹, однако угроза демонстрации приобрела более серьезный характер на следующий день (20 июня), когда в развитие событий вмешалось новое обстоятельство, представлявшее для Петроградского гарнизона непосредственный интерес.

Суть его заключалась в том, что в некоторые полки Петроградского гарнизона поступили приказы о выделении оружия и солдат в связи с наступлением на фронте. 1-му пулеметному полку, например, было дано семь дней, чтобы предоставить из своего арсенала 500 пулеметов, а 21 июня им был предъявлен «план о реорганизации», в соответствии с которым две трети личного состава должны были быть отправлены на фронт⁵². 20 июня полковой комитет согласился выполнить требование относительно оружия, однако на состоявшемся позже в тот же день массовом митинге личного состава это решение было признано неправомочным⁵³. В качестве аргумента приводилось обещание правительства не разоружать и не выводить из Петрограда части, принимавшие участие в Февральской революции. Независимо от наступления солдаты явно не горели желанием расставаться с пулеметами или умирать за Временное правительство. Очевидно, в знак протеста против его действий

солдаты проголосовали за немедленное проведение демонстрации, причем существенную роль в принятии именно такого решения сыграли анархисты и большевики ⁵⁴.

Ни одна из речей, произнесенных на митинге 20 июня, не была опубликована, однако советский историк П. М. Стулов приводит в своей работе взятое из архивов следующее заявление как типичное для массы пропагандистских выступлений, звучавших в то время в полку: «Правительство — буржуазное, а министры-социалисты обуржуазились. Оно хочет войной уничтожить пролетариат... Оно ничего не сделало до сих пор, даже не увеличило пайка вашим семьям. Сами вы ходите, как оборванцы, а офицеры получают громадное жалованье. Дороговизна жизни растет по часам, а все потому, что буржуи набивают себе карманы. Надо передать всю власть в руки Совета рабочих и солдатских депутатов, а этот последний переизбрать, чтобы были там все большевики. Тогда сразу будет заключен мир. Фабрики и заводы отберем от буржуев и всех их уничтожим. Тогда сразу появятся и хлеб и мясо... Если солдаты хотят выбрать сами себе начальника, буржуи и офицеры кричат: «анархия», а когда Керенский дает право офицерам расстреливать солдат — это не анархия. Товарищи пулеметчики! Вы для буржуев — огонь! Они вас не переваривают — выступайте с оружием. Заставим Совет рабочих и солдатских депутатов взять всю власть в свои руки. Не верьте офицерам, отговаривающим вас, — с вами весь гарнизон и Кронштадт. Вам стоит только выступить, и нет буржуев-министров» ⁵⁵.

В тот же день, 20 июня, представители 1-го пулеметного полка были направлены в другие части гарнизона, чтобы заручиться поддержкой в вопросе о проведении массовой вооруженной демонстрации. По сообщению газеты «Новая жизнь», два пулеметчика появились на спешно организованном митинге в Гренадерском полку в 5 часов дня и получили полную поддержку ⁵⁶. Представители 1-го пулеметного полка были направлены также в Московский, Преображенский, Петроградский и другие полки ⁵⁷.

О деятельности 1-го пулеметного полка было вскоре доложено Исполкому Петроградского Совета, который немедленно разослал по всем частям гарнизона телеграмму следующего содержания: «По сведениям, имеющимся в Исп. Комитете, 1-й пулеметный полк разослал делегатов во все полки с предложением выступить против Вр. правительства. Военный отдел Исп. Комитета решительно осуждает призыв пулеметчиков, действующих вразрез

с Всероссийским съездом и Петроградским Советом, наносящих удар в спину армии, героически и самоотверженно борющихся на фронте за торжество революции, сеющей всеобщий мир и благо всего народа... Военный отдел призывает полки сохранять спокойствие, не слушать никаких призывов отдельных групп или полков и быть готовыми выступить по первому требованию Вр. правительства, действовать в согласии с Советом на защиту свободы от грозящей анархии»⁵⁸.

Очевидно, давление со стороны Петроградского Совета, а также усилия лидеров петроградских большевиков, направленные на удержание пулеметчиков, привели к тому, что 1-й пулеметный полк пересмотрел свое решение о демонстрации⁵⁹. 21 июня полк решил прекратить свою деятельность и ограничиться резолюцией, которая заранее отвергала предстоящую отправку сил в действующую армию. В ней, в частности, говорилось:

«(1) ...В дальнейшем мы будем посылать команды на фронт только тогда, когда война будет носить революционный характер, который возможен только при устранении от власти капиталистов и перехода ее в руки демократии в лице Всероссийского Совета р., с. и кр. д.

(2) Если Совет рабочих и солдатских депутатов будет угрожать этому или другим революционным полкам насильственным роспуском, в ответ мы не остановимся перед применением вооруженной силы для разгрома Временного правительства и других поддерживающих его организаций»⁶⁰.

В этой связи следует отметить, что разгром дачи Дурново вызвал волнение не только в Петрограде. Среди арестованных были матросы, поэтому волна негодования охватила и Кронштадт (отчасти это произошло в результате пропаганды анархистов). На многочисленных митингах, проведенных 20, 22 и 23 июня, было принято решение, что, если арестованные моряки не будут освобождены, кронштадтские части освободят их силой. Этот ультиматум вручили министру юстиции 25 июня⁶¹. Моряки также угрожали взять в качестве заложников членов комиссии Временного правительства, которая занималась расследованием фактов задержания бывших царских морских офицеров. (Эта комиссия заседала большую часть мая, июнь и июль и освободила многих заключенных, к жестокому разочарованию большинства матросов, которые намеревались рассчитаться с офицерами за страдания и несправедливость еще царского времени⁶².)

Ленин, Конференция военных организаций и вопрос о немедленном восстании

Вспомним, что первый кризис с дачей Дурново приветствовался подавляющим большинством членов ЦК РСДРП(б). Однако совершенно иным было отношение ЦК к требованиям левых большевиков на Конференции военных организаций, к спровоцированным анархистами беспорядкам в Выборгском районе, к деятельности 1-го пулеметного полка в период начиная с 20 июня, а также к злобещей угрозе со стороны Кронштадта. Теперь Ленин и большинство ЦК остро ощущали нарастающую опасность преждевременного восстания. 19 июня, когда в Выборгском районе вот-вот могли вспыхнуть антиправительственные демонстрации, Временное правительство, Совет и большинство столичных газет победоносно славили наступление, а толпы их сторонников отводили душу на Невском проспекте, размахивая патриотическими знаменами. Создавалось впечатление, что массы вполне способны отшатнуться от большевиков, и это только разжигало нетерпение левых. Как бы то ни было, партия еще до конца не осмыслила эти факторы и скорректировала свою тактику в соответствии с ними. Все это наводит на мысль, было ли совершенно случайным принятое в тот момент решение ЦК созвать VI съезд РСДРП(б).

Главные задачи съезда состояли в том, чтобы оценить силы партии и общую ситуацию в стране, проанализировать «текущий момент», пересмотреть программу партии, подготовиться к созыву Учредительного собрания, а также избрать новый ЦК⁶³. Он представлялся крайне важным событием с точки зрения выработки стратегии и тактики партии большевиков, поскольку давал возможность организовать дискуссию между более консервативными провинциями и революционной столицей, между делегацией большевиков в Совете и самой партией, между правыми членами ЦК Каменевым, Зиновьевым и Ногиным, центристским большинством Ленина и левыми в лице Сталина, Смилги, Военной организации и Петербургского комитета. Как было объявлено 20 июня в «Правде», съезд должен был начать работу в период между 1 и 5 июля, то есть через десять дней после его объявления. Времени на подготовку было явно недостаточно, поэтому во втором объявлении, появившемся в «Правде» 24 июня, дата открытия съезда была перенесена на 20 июля. Кроме того, 20 июня Петербургский

комитет назначил на 1 июля открытие 2-й Общегородской конференции РСДРП (б) ⁶⁴. Теперь, проводя подготовку к этим мероприятиям, ЦК делал все, чтобы предотвратить преждевременный взрыв в столице, где обстановка была крайне нестабильной. Такой в общих чертах была ситуация в городе, когда 20 июня Ленин выступил с речью перед делегатами Всероссийской конференции военных организаций РСДРП(б).

М. Л. Сулимова, участница конференции и убежденный боец партии с 1905 г., вспоминает, что «внешне Владимир Ильич держался спокойно. Но нам, часто встречавшимся с Ильичем, было видно, что он волнуется» ⁶⁵. М. С. Кедров, в свою очередь, пишет, что, когда дело дошло до демонстрации настроений, господствовавших в некоторых партийных кругах и сводившихся к тому, «что нечего дальше ждать, пора большевикам захватить власть в свои руки», Владимир Ильич горячо и резко выступил против подобных взглядов. Его точку зрения вполне разделяли немногие делегаты. У большей же части его взгляд вызвал разочарование и даже недовольство. Делегаты этой группы ожидали, что Ленин, вне сомнения, одобрит их «революционность» и «левизну» ⁶⁶. Сулимова добавляет, что для «разгоряченных голов» речь Ленина «сыграла роль ливня».

В своем выступлении Ленин был предельно краток относительно подготовки к вооруженному восстанию и сосредоточился на умиротворении своих нетерпеливых последователей. Его речь была направлена на сдерживание нарастающей тенденции к немедленному восстанию. «Мы,— говорил он,— должны быть особенно внимательны и осторожны, чтобы не поддаваться провокации... Один неверный шаг с нашей стороны может погубить все дело... Если и удалось бы сейчас власть взять, то наивно думать, что, взявши ее, мы сможем удержать».

Мы не раз говорили, что единственно возможной формой революционного правительства являются Советы рабочих, солдатских, крестьянских и т. д. депутатов.

Каков же удельный вес нашей фракции в Советах? Даже в Советах обеих столиц, не говоря уже о других, мы в ничтожном меньшинстве. А что показывает этот факт? Нельзя от него отмахнуться. Он показывает, что массы в большинстве своем колеблются и еще верят эсерам и меньшевикам.

Это — основной факт, и он определяет поведение нашей партии. Как можно толкнуть мелкую буржуазию

к власти, если эта мелкая буржуазия теперь уже может, но не хочет взять ее.

Нет, чтобы серьезно, не по-бланкистски идти к власти, пролетарская партия должна бороться за влияние внутри Советов, терпеливо, неуклонно, изо дня в день разъяснять ошибку масс, их мелкобуржуазные иллюзии.

Сорвать эту нашу линию хотят контрреволюционеры, они всяческими средствами пытаются спровоцировать нас на преждевременное, сепаратное выступление, но мы на эту удочку не пойдем, нет, мы не доставим им такого удовольствия.

А когда массы увидят, что соглашательское правительство их обманывает, так как находится всецело в руках российской и союзнической буржуазии и пляшет под ее дудку, а события последних дней (наступление) как нельзя лучше разоблачают этот обман, то массы придут к единственно оставшейся неskomпрометированной партии, к большевикам.

Не нужно предупреждать событий. Время работает на нас» ⁶⁷.

Реакция на это выступление не нашла никакого отражения в Бюллетене конференции. С первого взгляда может показаться, что Ленину удалось привлечь делегатов на свою сторону, поскольку конференция приняла относительно умеренную резолюцию по вопросу о «текущем моменте», которая полностью соответствовала его точке зрения. Пункт третий ее призывал к решительной борьбе против анархии и против попыток организовать разрозненные, децентрализованные революционные выступления, которые только сыграли бы на руку буржуазии в случае их неверного планирования по времени ⁶⁸. Однако было бы ошибкой предполагать, что вопрос о восстании таким образом был закрыт.

На следующий день после выступления Ленина, то есть когда были основания полагать, что наступление на фронте развивается благоприятно, на Конференции военных организаций обсуждался вопрос о политике партии в этой области. В ходе прений вновь столкнулись умеренный и радикальный подходы. В самых общих чертах ситуация складывалась следующим образом: умеренные выступали против изолированных отказов от участия в боевых действиях как со стороны отдельных военнослужащих, так и частей, полагая, что это не принесет пользы делу и только спровоцирует карательные меры. Такая позиция полностью совпадала с точкой зрения ЦК. Ради-

калы же стояли за общее восстание на фронте, и для них достижение этой цели находилось в неразрывной связи с немедленным восстанием в столице. Поэтому ленинская оценка «текущего момента» и особенно его позиция по вопросу о немедленном восстании вновь стали предметом обсуждения во время дебатов по поводу наступления. Чрезвычайно интересный отрывок этой дискуссии был опубликован в Бюллетене конференции 24 июня. Л. М. Каганович и Н. В. Крыленко⁶⁹ отстаивали более умеренный подход Ленина в споре с радикалами А. Васильевым и Шемаевым⁷⁰. Дискуссию, по всей видимости, завязал Каганович.

«Доклад т. Ленина,— сказал он,— неуязвим, с какой бы стороны к нему ни подходили. Глубокую ошибку совершают те, кто не делает различия между положением, существующим до революции и теперь. Царская власть вооружила против себя почти все классы населения, и нам оставалось только сообразовать нашу тактику с создавшимся положением. Теперь мы наблюдаем не то. Большинство населения идет пока за с.-р. и меньшевиками. А если так, то и наши методы борьбы должны быть теперь отличными от тогдашних. Пропаганда — вот наш метод борьбы; всем, кому только может привиться наша классовая точка зрения, мы должны прививать ее. Этим только мы можем достичь того, что тот класс (класс пролетариата, который по своему положению должен идти за нами, но который сейчас в большей своей части идет за мелкобуржуазными партиями), станет целиком на нашу точку зрения. Но пока этого нет, захват нами власти может привести только к гибельной для пролетариата авантюры. Последствием его может явиться гражданская война, не классовая, а именно гражданская, т. е. когда не классы пойдут друг против друга, а одна часть населения против другой».

В этот момент, чтобы выразить мнение противоположной стороны, поднялся Васильев. «Что волнует сейчас делегатов с фронта? — спросил он.— Безусловно, события последних дней: волнения в полках, среди рабочей массы и т. д. Нам кажется, что т. Ленин недостаточно осветил положение масс, находящихся на фронте. Он не указал конкретно выхода из создавшегося положения. Нужно посмотреть правде в глаза,— подчеркнул Васильев.— Армия на фронте отдана в распоряжение контрреволюционных начальников. Наступление на фронте одобрено властью. Армия не может

отнестись к этим фактам безучастно. И разумеется, она ждет от нас активных шагов. Нам кажется, что ЦК действует слишком медлительно. По-видимому, он недостаточно осведомлен о настроении масс на фронте.

Что скажем мы армии, вернувшись к ней отсюда? Какова должна быть наша линия поведения в вопросе о наступлении? Для меня, рабочего, ясно одно: «лучше рабочим умирать здесь на баррикаде, чем там на фронте,— за цели, пролетариату совершенно чуждые». Эти слова Зиновьева — лучший ответ на поставленный мной вопрос.

Мы не должны быть пассивными. На наших глазах совершается ряд действий правительства, направленных на разъединение солдат и рабочих, армии и тыла... Мы должны реагировать на это определенным образом. Пора вспомнить, что мы представляем собою представителей не только социализма, а нужно добавить, еще революционного социализма. И это определяет собою нашу тактику.

Я скажу определенно. Наша солдатская масса пассивна, она привыкла к капральской палке. Сейчас эта палка — в руках буржуазии. Нам надо вырвать эту палку из ее рук и взять ее в свои собственные руки. Поверьте, фронт нас поддержит. На фронте — настроение не большевистское, нет, там настроение антимилицаристское. И этим сказано все».

После этих слов, завершивших выступление Васильева, вновь поднялся Каганович. «Мы подошли к вопросу о захвате власти,— сказал он,— но захват власти в Петрограде еще не означает захвата власти в России. Да, наконец, и в самом Петрограде по вопросу о власти единогласия не наблюдается. Совет рабочих и солдатских депутатов не стоит на нашей точке зрения. А до тех пор — все наши попытки будут неудачны. Наша задача — оказать давление на Совет, добиваться перевыборов».

Н. В. Крыленко, который во время конференции все время пытался принизить влияние большевиков ⁷¹, закончил дискуссию, считая, что положение может быть спасено только массовым отказом воинских частей участвовать в наступлении. «Единичные выступления могут привести лишь к отрицательным последствиям. Но чтобы создались эти массовые выступления,— сказал он,— нам нужно заняться усиленной агитацией своих идей. И лишь когда идеями большевизма будут объаты широкие войсковые массы, следует перейти от слов к делу» ⁷². Можно

сказать одно: вопрос о немедленном восстании был далек от своего решения и после завершения конференции 23 июня. Здесь Военная организация была не одинока.

Петербургский комитет РСДРП(б) и вопрос о немедленном восстании

20 июня, в то время когда попытки анархистов организовать вооруженную демонстрацию, казалось, приносили плоды (правда, деятельность 1-го пулеметного полка в то время еще не была известна), Петербургский комитет РСДРП(б) собрался на экстренное заседание, чтобы выработать оценку сложившегося положения и определить свою политику⁷³. В докладах многих районных лидеров звучала мысль, что недовольство Временным правительством после начала наступления и разгрома дачи Дурново достигло нового пика и привело в движение многие заводы и воинские подразделения, ранее безучастные к большевистской пропаганде. Кроме того, рост недовольства объяснялся и чисто экономическими причинами. Например, С. М. Гессен считал, что на резкий рост числа сторонников большевиков повлияли нерешенные профсоюзные проблемы на гигантском Путиловском заводе. На этом же заседании, хотя и не так единодушно, отмечалось возрождение патриотического духа среди некоторых слоев населения в результате успешного наступления на фронте. Как всегда, внутри комитета наблюдались существенные противоречия относительно дальнейших действий. (В какой-то момент обсуждение зашло настолько далеко, что один из участников был направлен на поиски кого-нибудь из представителей ЦК, чтобы пригласить их на заседание.)

Дискуссия обнаружила наличие в ПК умеренного меньшинства, которое, как и Ленин, выступало против преждевременных действий, но за планомерную кампанию по завоеванию масс. Эту группу представлял Калинин. Он обвинил более радикальных членов Петербургского комитета в преувеличении силы партии. «Мы должны помнить,— сказал он,— что большинство на улицах принадлежит все-таки меньшевикам». По его мнению, в создавшейся ситуации задача партии состояла в том, чтобы бороться за большинство в Совете.

Была на заседании и довольно влиятельная промежуточная группировка, которая, хотя и не соглашалась

с оценкой Калинина и не настаивала на обязательном завоевании лидирующего положения в Совете, все же признавала несвоевременность восстания. Принадлежавшие к этой фракции Томский и Володарский заявили, что решительные действия следует предпринять после неизбежного провала наступления или какого-то другого стимулирующего события, но не после спровоцированных анархистами беспорядков (по мнению Володарского, более приемлемым вариантом была организация еще одной забастовки на Путиловском заводе). Эту точку зрения, безусловно, разделял Лацис, хотя в большей степени, чем Томский и Володарский, сомневался в возможности удержать массы.

Как свидетельствуют протоколы заседания, этим двум группам противостояли гораздо более радикальные петроградские большевики, увлеченные преобладавшим в массах нетерпением. Так, И. К. Наумов подверг партию резкой критике за отсутствие руководства и потребовал предъявить Совету ультиматум: или берите власть в свои руки, или большевики будут вынуждены возглавить зарождающееся движение. «Мы распишемся в полной политической несостоятельности, если окажемся сейчас не у дел... Выжидательная политика ЦК,— заявил Наумов,— не выдерживает критики».

Другие, например, И. Н. Стуков, А. Дыллэ и П. А. Залуцкий, рассматривали наступление как поворотный момент всей революции. Стуков заявил, что с началом контрреволюционного наступления революция и контрреволюция дошли до той точки, когда столкновение неизбежно. Он сказал, что революции брошен вызов и она должна ответить на него. Поскольку провинция явно не разделяла революционных устремлений столицы, Стуков дал понять, что нельзя «обойти вопрос о том, не возможно ли у нас повторение истории Парижской коммуны 1871 г.». Дыллэ не согласился с оценкой Калинина и потребовал, чтобы партия «организовалась и встала во главе развивающегося движения». «Мы должны действовать помимо съезда, иначе масса будет действовать без нас... В революционное время,— объяснил он,— нельзя действовать парламентарно». Залуцкий заявил, что, может быть, и созревает время революционных действий, однако решать этот вопрос именно на данном заседании нельзя. И если солдаты рвутся в бой, необходимо убедить их идти в пока колеблющиеся другие полки для завоевания поддержки.

После окончания дискуссии Петербургский комитет 19 голосами против двух принял резолюцию Володарского и Томского, обязывавшую Исполнительную комиссию вместе с Военной организацией и ЦК составить воззвание с призывом к пролетариату не участвовать в изолированных революционных акциях, а направить все свои силы на распространение своего влияния среди других слоев населения. Эта мера соответствовала позиции ЦК, выступавшего против развивающегося движения. Лацис предложил поправку, которая хотя и противоречила мнению ЦК, однако была принята 12 голосами против 9. Она предусматривала следующее: «...если выступление массы не удастся удержать, то брать руководство этим движением в свои руки, направляя его к воздействию на Совет и съезд Советов». По-видимому, эта поправка была нужна для того, чтобы резолюция Володарского — Томского не могла помешать Петербургскому комитету и особенно Выборгскому комитету взять уличное движение под свой контроль, если не удастся его нейтрализовать. Но на деле она стала оправданием и вдохновляющей силой для более радикальных лидеров типа Лациса, Наумова и Стукова, а также многих и многих рядовых большевиков, состоявших на учете в районных организациях и воинских частях, которые уже пришли к мысли, что восстание в ближайшем будущем не только неизбежно, но и желанно.

Петроградская военная организация и вопрос о восстании

Как уже отмечалось, функционеры Петроградской военной организации на уровне частей выступали в основном за немедленные действия против Временного правительства. Кроме того, решения Петербургского комитета от 20 июня и Всероссийской конференции военных организаций от 21 июня по этому вопросу были по меньшей мере неопределенными. 22 июня проблемы гарнизона в связи с новыми обстоятельствами оказались в центре внимания неофициальной встречи представителей ЦК, Петербургского комитета и Военной организации. По имеющимся сведениям, эта встреча была организована по инициативе Военной организации для обсуждения возможности проведения вооруженной демонстрации против Временного правительства ⁷⁴. Из-за отсутствия мно-

гих членов ЦК и Петербургского комитета провести официальное заседание было нельзя, однако посланцы «большевистских» полков явились. (Среди них были солдаты 1-го пулеметного, 6-го саперного, 180-го пехотного запасного, 1-го и 3-го пехотных запасных, Егерского и Гренадерского полков ⁷⁵.) Поэтому, несмотря на неофициальный характер, эта встреча представляет определенный интерес.

Единственным вопросом повестки дня был «текущий момент». В этой связи прежде всего была затронута тема о недавно прошедшей отправке войск на фронт. Два из наиболее влиятельных полковых функционеров, Семашко (1-й пулеметный полк) и Сахаров (1-й пехотный запасный полк) выразили явно господствующее мнение, заявив, что истребование личного состава для пополнения является не чем иным, как плохо замаскированной попыткой обескровить наиболее революционные полки. Как бы то ни было, оба оратора подчеркнули, что гарантии Временного правительства полкам — участникам Февральской революции делают этот приказ незаконным и его ни в коем случае не следует выполнять. Такая категоричная позиция была поддержана представителем Всероссийского бюро Военной организации Беляковым и целым рядом других выступавших ⁷⁶.

Заявления полковых организаторов Петроградской военной организации по поводу отправки частей гарнизона на фронт представляют особый интерес, поскольку они вскрывают коренные разногласия между ними и ЦК в оценке «текущего момента», прежде всего в части слабости партии и необходимости проявлять сдержанность. Кроме одного, все представители полков сходились во мнении, что в распоряжении партии находится огромная сила. Семашко, под командованием которого де-факто находилось свыше 15 тысяч пулеметчиков, безусловно, выразил мнение большинства, сказав, что Петербургский и Центральный комитеты не могли правильно оценить истинную силу партии. Он заявил: «Почти весь гарнизон с нами». «Вообще,— поддержал его Сахаров,— все выступления солдат сводятся к тому, что они не призывают к активным действиям и все против только исключительно резолюции, говорят, что эти бумажки ни к чему не ведут». Из всех полковых представителей Военной организации только М. М. Лашевич — большевик со стажем, унтер-офицер 1-го пулеметного полка и член Петроградского Совета — выступил в поддержку ЦК. «Вообще

мы теперь должны быть особенно осторожны и сдержанны в своей тактике,— возражал он,— а в выступлениях последних дней как раз этого нет. Зачастую,— заметил он далее не без сарказма,— невозможно разобраться, где кончается большевик и начинается анархист».

Такие заявления были непопулярны в Военной организации. Беляков назвал позицию Лашевича «удивительной». С его точки зрения, беспорядки в полках и деятельность солдат-большевиков не давали повода для беспокойства: «Я думаю, что политический кризис ликвидируется в нашу пользу. Я утверждаю, что в полках только бродит сознание перелома момента». Следует отметить, что этот подход пропагандировался целым рядом членов Петербургского комитета, которые не чувствовали себя связанными его решениями двухдневной давности. Стуков, например, резко выступил за активные действия, полагая, что успешное наступление на фронте послужит усилению позиций Временного правительства. Он считал, что «политика удерживания недостаточна. Момент серьезный, чрезвычайно серьезный». М. М. Харитонов, также член Петербургского комитета, разъяснил, что понять, где кончается большевик и начинается анархист, трудно, оттого что среди последователей партии много таких, кто не разделяет теории большевиков. По словам Харитонова, сдерживание — это верно, но уступки немыслимы. Разжигая страсти, он заявил: «Быть готовым принять бой, когда мы его не хотим, мы должны».

Опубликованные протоколы этого заседания довольно неожиданно обрываются. Однако имеющиеся материалы не содержат какого-либо свидетельства о принятии на нем резолюции «О текущем моменте». По-видимому, можно сделать вывод, что на этой неофициальной встрече не предпринималось попыток достичь формального согласия. По словам Невского, это заседание тем не менее имело достаточно большое значение. Впоследствии в статье, посвященной пятой годовщине Октябрьской революции, он писал, что «22 июня нам удалось созвать конференцию, на которой выяснилось, что организовано до 30 тысяч солдат. Организация все росла, но вместе с тем мы видели, что сдержать солдат от выступления мы не сможем. И мы взяли на себя выработку плана вооруженного выступления: пусть это будет,— решились мы,— первая попытка восстания»⁷⁷.

Разногласия между «Правдой» и «Солдатской правдой»

Разногласия между ЦК и Военной организацией в оценках революционной ситуации и силы партии нашли отражение в их печатных изданиях — «Правде» и «Солдатской правде». В то время «Правда» находилась под контролем Ленина. По практическим соображениям возглавляемая Подвойским, Невским и А. Ф. Ильиным-Женевским «Солдатская правда» была практически автономна. Хотя различия между этими двумя газетами заключались порой лишь в акцентах (часто молчание играло не менее важную роль, чем публикации). И все же различия были, и довольно существенные. Так, детальный анализ показывает, что относительно осторожный подход «Правды» к освещению начала наступления на фронте резко контрастирует с несдержанным тоном «Солдатской правды».

Отношение Ленина к «текущему моменту» непосредственно после успешного июньского наступления, когда Совет упорно отказывался взять власть, было выражено в статье «Революция, наступление и наша партия»⁷⁸, опубликованной в «Правде» 21 июня. В ней Ленин повторил некоторые из своих аргументов, которые он накануне в частном порядке высказывал на утреннем заседании Конференции военных организаций. «...Доверие большинства мелкобуржуазной, зависимой от капиталистов политике меньшевиков и эсеров — определяет позицию и поведение нашей партии». По мнению Ленина, Россия в тот момент проходила этап революции, когда народ еще находился в плену «мелкобуржуазных иллюзий», распространяемых «Церетели и Черновыми». С его точки зрения, это состояние можно было преодолеть только постепенно, возможно, посредством методичного разоблачения политики правительства. В этой статье Ленин предостерегает от пагубности «нелепой» веры в нескоординированные, дезорганизованные революционные выступления. Хотя он и не дает четкого ответа, когда должен закончиться этот период, в передовице «Куда привели революцию эсеры и меньшевики?»⁷⁹, появившейся в «Правде» на следующий день, он дает понять, что этот период не продлится долго. На основании этого утверждения можно сделать упрощенный вывод об отсутствии у Ленина интереса к немедленному захвату власти. По существу же, его беспокоила только проблема

правильного выбора момента выступления, и именно по этой причине его ближайшая цель заключалась в том, чтобы сохранить статус-кво.

Вплоть до июльских событий линия «Правды» в целом соответствовала позиции Ленина⁸⁰. Материалы подрывного характера большей частью сглаживались и печатались в минимальном количестве, а основное внимание уделялось подготовке к VI съезду партии, выборам в Учредительное собрание и необходимости организации массового движения для завоевания большинства в Петроградском Совете. Это продолжалось и в конце июня, когда Ленин выехал из столицы на несколько дней отдохнуть на даче В. Д. Бонч-Бруевича в Финляндии. Например, 30 июня и 1 июля передовицы «Правды» (первая из них написана Зиновьевым) призывали к организации нового, массового движения «в народ» петроградских рабочих и солдат для завоевания большевиками популярности среди крестьян накануне приближавшихся выборов в Учредительное собрание. Это вовсе не означает, что давление на Временное правительство и умеренные социалистические партии, особенно в связи с наступлением, было прекращено, однако, по крайней мере внешне, упор делался на мирные формы борьбы.

Любопытно отметить, что в «Правде» того периода имеются материалы, подтверждающие, что на том этапе тактика Ленина напоминала линию правого крыла РСДРП(б). Действительно, нападки Каменева на левое крыло в статье «Не так просто, товарищи» в «Правде» от 22 июня вполне могли исходить и от самого Ленина. Каменев пишет о «новых для нашей партии» слоях рабочих и солдат, которые выступают с требованием «о немедленном воплощении в жизнь лозунгов, сложность которых им не всегда понятна. И им мы говорим: дело обстоит не так просто, товарищи, чтобы одного вашего сочувствия нашей партии было достаточно для ее немедленной победы. Задача, стоящая перед пролетариатом России, во много раз труднее, чем это может показаться». Как и Ленин, Каменев делал упор на слабости партии в сложившейся обстановке. Он писал, что «большинство русской демократии не доверяется мировому пролетариату и перспективам мировой пролетарской революции, доверилось дипломатам, генеральным штабам и «социалистическим» агентам империалистических правительств и на них возложило свои надежды». Каменев отмечает, что никто не может сказать, сколько времени это будет

продолжаться, однако, как и Ленин, предупреждает о пагубности преждевременных революционных выступлений. Он считает, что разрозненные демонстрации отдельных полков и рот, пытающиеся преодолеть неизбежный мелкобуржуазный этап средствами саботажа, глупы и нецелесообразны. «Не путем анархических выступлений и дезорганизованных, частичных попыток, а усиленной работой организации и сплочения подготовит пролетариат новый этап русской революции», — заключает Каменев.

В тревожный период, последовавший за разгромом дачи Дурново и началом наступления, «Солдатская правда» также выступала против «разрозненных демонстраций». Например, 21 июня на первой странице была опубликована прокламация, призывавшая рабочих и солдат игнорировать все призывы о выходе на улицы, которые не утверждены Военной организацией. При этом оставлялась лазейка для проведения демонстрации во главе с большевиками — «в случае необходимости Военная организация может вызвать демонстрации по согласованию с Центральным и Петербургским комитетами». Более того, ни 21, ни 22 июня, ни в последующих номерах вплоть до июльских событий в газете не появлялось материалов, акцентировавшихся, подобно «Правде», на слабости большевиков, необходимости преодоления фазы «мелкобуржуазных иллюзий» для перехода к следующему этапу революции. Наиболее полно эти идеи были выражены в статье «Организация прежде всего» («Солдатская правда» от 23 июня), но даже здесь основное внимание уделялось нецелесообразности разрозненных революционных выступлений и необходимости подтверждения призывов, исходящих от Военной организации.

Между 23 июня и началом июльских событий в газете не появилось ни одной статьи в поддержку осторожной политики ЦК. Наоборот, «Солдатская правда» продолжала разжигать недовольство, сконцентрировав теперь свою антиправительственную пропаганду на фактах проявления несправедливости, связанных с наступлением на фронте. 26 июня, когда дезертиры из находившегося на передовой Гренадерского полка (одной из нескольких частей, отказавшихся атаковать немецкие позиции в самые первые дни наступления ⁸¹) прибыли в столицу за помощью и начали требовать передачи власти Советам, «Солдатская правда» оказала им полную поддержку ⁸². Но гораздо важнее было то, что предлагаемое «Солдатской правдой» решение многих проблем, связанных с вой-

ной, предусматривало непосредственное действие. Так, в самый канун июльских событий (уже после начала организации движения), когда «Правда» сосредоточилась на кампании Зиновьева по пропаганде среди низших слоев населения и на борьбе за большинство в Петроградском Совете, «Солдатская правда» опубликовала на первой странице зажигательную статью Л. Чубунова, которая завершалась следующими словами:

«Товарищи! Довольно нам жертвовать собой на благо буржуазии. Время настало не спать, а дело делать!.. Товарищи! Гоните буржуев от власти и всех их на фронт, проклятых, раз они кричат «война до полной победы!». Все мы намучены ужасной войной, которая унесла миллионы жизней, сделала миллионы калеками, принесла с собой неслыханные бедствия, разорение и голод...

Проснитесь, если кто еще спит, ведь вас эсеры и меньшевики хотят одурачить... Я прошу вас, будьте готовы ежеминутно дать отпор контрреволюции. Она шагает по Невскому во главе с Плехановым и Родзянко. Скоро выйдут черносотенцы, но вы, товарищи, всеми силами защищайте завоеванную свободу. Вся власть должна перейти в руки рабочих, солдат и крестьян. Долой от власти буржуазию и всех ее сторонников.

Да здравствует вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!»⁸³

Примечания

¹ См.: *Церетели И. Г.* Воспоминания... Т. 2. С. 246.

² Известия. 1917. 17 июня.

³ Цит. по: *Петров И. Ф.* Стратегия и тактика партии большевиков в период подготовки и победы социалистической революции: март — октябрь 1917 г. Докторская диссертация. С. 429.

⁴ Протокол этого заседания см. в сб. Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 168—184.

⁵ *Владимирова В.* Революция 1917 года: Хроника событий. Т. 3. С. 66.

⁶ См: Революционное движение в России в мае — июне 1917 г.: июньская демонстрация. С. 518; Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов: Протоколы. С. 278—279; *Церетели И. Г.* Воспоминания... Т. 2. С. 250—251.

⁷ См.: *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1. С. 222; Речь. 1917. 13 июня.

⁸ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 173.

⁹ См. там же. С. 173—178.

¹⁰ Газета «Новая жизнь» (15 июня 1917 г.), издаваемая Горьким, приветствовала этот призыв как долгожданный признак того, что в будущем большевики могут отойти от анархистов.

¹¹ Детальная советская интерпретация демонстрации 18 июня дается в книге *Кривошеина Е. П.* «Две демонстрации» (М.; Л., 1931).

¹² См.: *Woytinsky W. S.* Stormy Passage. New York: Vanguard Press, 1961. P. 293; *Церетели И. Г.* Воспоминания... Т. 2. С. 247.

¹³ См.: *Владимирова В.* Революция 1917 года: Хроника событий. Т. 3. С. 69.

¹⁴ В этой связи накануне июльских событий М. И. Лацис высказал чрезвычайно уместные критические соображения по поводу организационной работы Военной организации: «В вопросах выступления на улицу нельзя сомневаться, что большинство полков пойдут за нами, но в обычных случаях — выборы в Совет и т. д. — вожди находятся не в наших руках» (см.: *Елов Б.* Петроградская организация РСДРП(б) накануне июльских событий // 3—5 июля 1917 года. Пг., 1922. С. 60).

¹⁵ *Лацис М. И.* Июльские дни в Петрограде: Из дневника агитатора // ПР. 1923. № 5 (17). С. 108.

¹⁶ Революционное движение в России в мае — июне 1917 г.: июньская демонстрация. С. 525.

¹⁷ Для анализа демонстрации 18 июня автор использовал сообщения в газетах «Правда», «Известия», «Новая жизнь», «Рабочая газета», «Воля народа» и «Речь».

¹⁸ *Sukhanov N. N.* The Russian Revolution. Vol. 2. P. 416—417.

¹⁹ *Милюков П. Н.* Россия на переломе: В 3 т. Париж, 1927. Т. 1. С. 73.

²⁰ Кронштадтские моряки были также приглашены участвовать в демонстрации, организованной съездом, и 16 июня Кронштадтский Совет проголосовал за принятие этого предложения (см.: Известия Кронштадтского Совета. 1917. 18 июня). При этом, как вспоминает Флеровский, матросы были все еще обижены на ЦК РСДРП(б) за отмену демонстрации 10 июня и на съезд Советов за организацию собственного шествия. Поэтому они проголосовали за ограниченное участие (см.: ПР. 1926. № 7 (54). С. 68). А. Ф. Ильин-Женевский, издававший в то время «Голос правды», считает, что матросы не проявляли интереса к проведению вооруженной демонстрации (см.: *Ильин-Женевский А. Ф.* На рубеже русской революции // Красный Петроград. 1919. С. 36).

²¹ В работе над разделом «Бегство Хаустова и разгром дачи Дурново...» использовались официальные сообщения и собственные корреспонденции газет «Правда», «Маленькая газета», «Известия», «Новая жизнь», «Рабочая газета», «Воля народа», «Речь».

²² *Раскольников Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 188. Как вспоминает Раскольников, «в нем [Хаустове] преобладало инстинктивное, тяготеющее к анархизму бунтарство. В его выступлениях почти не чувствовалось влияния марксизма».

²³ Бюллетень Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б). 1917. № 3. 18 июня. С. 2.

²⁴ *Залесская Ф.* Июньская демонстрация 1917 г. // ПР. 1927. № 6 (65). С. 159.

²⁵ В соответствующей резолюции съезда говорилось, что «до тех пор, пока войне международными усилиями демократии не будет положен конец, российская революционная демократия обязана всемерно содействовать усилению боевой мощи нашей армии и способности ее к оборонительным и наступательным действиям... Вопрос о наступлении должен быть решаем исключительно с точки зрения чисто военных и стратегических соображений» (цит. по: *Golder F. A.* Documents of Russian History. P. 371).

²⁶ Известия. 1917. 20 июня.

²⁷ См., напр., подписанную председателем собрания прапорщиком Сахаровым резолюцию 1-го пехотного запасного полка в «Солдатской правде» от 25 июня 1917 г. Противодействию наступлению было особенно велико в Кронштадте, где местный Совет принял две резолюции (большевистскую и эсеровскую) с осуждением этой акции (195 голосов «за», 1 «против», 65 воздержались) // Голос правды. 1917. 21 июня.

²⁸ Несколько подобных документов приведены в работе «Революционное движение в России в мае—июне 1917 г.: июньская демонстрация». С. 366—368, 377—381.

²⁹ Там же. С. 373.

³⁰ Наиболее ценные материалы, отражающие ход конференции и преобладавшие на ней настроения, приводятся в «Бюллетене Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б)». 1917. № 1—5. 16, 17, 18, 21 и 24 июня, изданных во время конференции в качестве специального приложения к газете «Солдатская правда». Некоторые достаточно интересные наблюдения очевидцев публиковались в провинциальных печатных органах большевиков. Самый ценный материал такого рода — воспоминания М. Кедрова — «Всероссийская конференция военных организаций РСДРП(б)» // ПР. 1927. № 6 (65). С. 216—231, перепечатанные в книге «Великая Октябрьская социалистическая революция: сборник воспоминаний». М., 1957. С. 71—82. К весьма содержательным источникам вторичного характера можно отнести работу С. Е. Рабиновича «Всероссийская военная конференция большевиков 1917 года». М., 1931. Резолюции конференции приводятся в многотомном издании «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». (Изд. 9-е. М., 1983. Т. 2. С. 154—165.— *Ред.*)

³¹ Цели конференции были определены в листовке, впервые распространенной еще в мае. (Музей Революции СССР. Фонд листовок, А49134).

³² Политический момент и задачи Всероссийской конференции ВО // Бюллетень Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б). 1917. № 1. 16 июня. С. 1.

³³ См.: Шестой съезд РСДРП(б): Протоколы. С. 62; Антонов-Овсеенко В. А. Строительство Красной Армии в революции. М., 1923. С. 10.

³⁴ Рабинович С. Е. Всероссийская военная конференция большевиков // КЛ. 1930. № 5. С. 110.

³⁵ Решение об использовании делегатов в качестве агитаторов в полках было принято на предварительном заседании 15 июня (см.: Бюллетень... 1917. № 1. 16 июня. С. 1).

³⁶ Кедров М. Всероссийская конференция военных организаций РСДРП(б) // Великая Октябрьская социалистическая революция: Сб. воспоминаний. С. 74; Сулимова М. Это будет последний и решительный бой // Летопись Великого Октября. М., 1958. С. 104.

³⁷ Ильин-Женевский А. Ф. Военная организация РСДРП(б) и «Солдатская правда» // КЛ. 1926. № 1 (16). С. 70; Петров И. Ф. Стратегия и тактика партии большевиков в период подготовки и победы социалистической революции. Докторская диссертация. С. 447.

³⁸ Шестой съезд РСДРП(б): Протоколы. С. 63.

³⁹ Бюллетень Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б). 1917. № 3. 18 июня. С. 1—2; см. также: Рабинович С. Е. Всероссийская конференция большевистских военных организаций 1917 г. // КЛ. 1930. № 5(38). С. 113—116.

⁴⁰ Большевик с большим стажем А. Я. Аросев, член редколлегии «Бюллетеня» (всего в редколлегии было пять человек), в конце конференции был избран во Всероссийское бюро Военной организации.

⁴¹ Если верить сообщению в «Биржевых ведомостях» от 19 июня 1917 г., слухи о наступлении впервые появились примерно в два часа дня.

⁴² Окопная правда. 1917. 9 июля; Бюллетень Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б). 1917. № 4. 21 июня. С. 2.

⁴³ См.: *Кедров М.* Всероссийская конференция военных организаций РСДРП(б) // Великая Октябрьская социалистическая революция: Сб. воспоминаний. С. 75—76.

⁴⁴ См.: *Подвойский Н. И.* Год 1917. М., 1958. С. 59; *Петров И. Ф.* Стратегия и тактика большевиков. С. 447. Судя по опубликованному отчету заседания (Бюллетень. 1917. № 4. 21 июня), предложение об изменении программы было сделано и отклонено перед последним выступлением того вечера.

⁴⁵ См.: *Подвойский Н. И.* Военная организация ЦК РСДРП(б)... // КЛ. 1923. № 6. С. 76. Позднее в целом аналогичное изложение этой беседы приводится в статье Н. И. Подвойского «Июльские дни: три момента» (Правда. 1925. 18 июля). В последнем издании его мемуаров «Год 1917» эта беседа отсутствует.

⁴⁶ Бюллетень Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б). 1917. № 4. 21 июня; Окопная правда. 1917. 9 июля. На одном из последних заседаний конференции для достижения этой цели было принято решение начать издание специальной солдатско-крестьянской газеты («Деревенской бедноты») под эгидой Всероссийского бюро Военной организации (см.: КПСС в резолюциях... Т. 1. С. 354—365). В связи с последовавшими после июльских дней событиями первый номер ее вышел только 12 октября 1917 г.

⁴⁷ Хотя Невский и признавал необходимость проведения оптимальной организационной подготовки, он не относился к тем, кто полагал, что организационное несовершенство может помешать захвату власти (см. настоящее издание. С. 139, 152—153).

⁴⁸ Бюллетень Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б). 1917. № 4. 21 июня; Волна. 1917. 4 июля. Невский требовал также, чтобы Военной организации было предоставлено право голоса в Центральном Комитете. Требование было отвергнуто, и в соответствии с принятым на конференции регламентом Военной организации было дано право лишь совещательного голоса (см.: КПСС в резолюциях... Т. 1. С. 367). Наиболее откровенный и детальный анализ сепаратистских тенденций во Всероссийской Военной организации до и после июльских событий содержится в работах С. Е. Рабиновича: Большевистские военные организации в 1917 г. // ПР. 1928. № 6—7 (77—78). С. 187—188; Работа большевиков в армии в 1917 году // Война и революция. 1927. № 6. С. 96—108.

⁴⁹ *Лацис М. И.* Июльские дни в Петрограде // ПР. 1923. № 5 (17). С. 109; *Гаврилов И.* Очерки по истории Выборгской парторганизации города Ленинграда. Л., 1953. С. 109. Состоявшаяся в тот же день крупная забастовка на Путиловском заводе не имеет никакого отношения к волнениям в Выборгском районе. Путиловцы требовали повышения заработной платы, хотя их движение и имело явную политическую окраску (см.: Дело народа. 1917. 20 июня).

⁵⁰ Новая жизнь. 1917. 20 июня.

⁵¹ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 185—186; *Быков Г. Д.* Революционная деятельность большевиков Выборгской стороны. С. 125. Текст резолюции 1-го пулеметного полка, отвергшей предложение анархистов-коммунистов, был опубликован в «Солдатской правде» 22 июня 1917 г.

⁵² См.: *Миронов Т. Г.* Борьба большевиков за Петроградский гарнизон. С. 211; *Константинов А. П.* Большевики Петрограда в 1917 году: хроника событий. Л., 1957. С. 292. В письме военной секции Петроградского Совета полковому комитету 1-го пулеметного полка подчеркивалась срочность данного требования и абсолютная необходимость его выполнения; *Быков Г. Д.* Революционная деятельность большевиков Выборгской стороны. С. 135.

⁵³ См.: *Миронов Т. Г.* Борьба большевиков за Петроградский гарнизон. С. 211; *Стулов П. М.* Первый пулеметный полк в июльские дни 1917 г. // КЛ. 1930. № 3 (36). С. 87.

⁵⁴ Основываясь на тщательном анализе архивных материалов, П. М. Стулов в отношении тенденций в пользу восстания пишет, что «полковые большевики в эти дни были увлечены общим потоком и уже не пытались как-либо ограничивать движение, тем более что оно оформлялось фактически в большевистских лозунгах» (см.: *Стулов П. М.* Первый пулеметный полк в июльские дни 1917 г. // КЛ. 1930. № 3 (36). С. 93).

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Новая жизнь. 1917. 21 июня; Дело народа. 1917. 22 июня.

⁵⁷ Протокол митинга Петроградского полка от 20 июня показывает, что 1-й пулеметный полк был представлен на нем Я. М. Головиным, членом Военной организации большевиков. Он призвал присутствующих поддержать решение об организации демонстрации и заявил, что согласие нескольких воинских частей и заводов уже получено. Митинг единогласно поддержал предложение Головина и выбрал двух представителей полка для проведения совместного планирования с 1-м пулеметным полком (см.: Революционное движение в России в мае — июне 1917 г.: июньская демонстрация. С. 567—568).

⁵⁸ Новая жизнь. 1917. 21 июня; Дело народа. 1917. 22 июня.

⁵⁹ *Стулов П. М.* Первый пулеметный полк в июльские дни 1917 г. // КЛ. 1930. № 3 (36). С. 88; *Шляпников А.* Июльские дни в Петрограде // ПР. 1926. № 4 (51). С. 60. Факт попытки представителей большевиков удержать 1-й пулеметный полк от выхода на улицы подтверждается протоколом заседания солдатского комитета Петроградского полка от 21 июня (см.: Революционное движение в России в мае — июне 1917 г.: июньская демонстрация. С. 569).

⁶⁰ Там же. С. 576.

⁶¹ См.: Голос правды. 1917. 21, 25 июня; Новая жизнь. 1917. 24 июня; Рабочая газета. 1917. 25 июня; см. также: *Флеровский И. П.* Июльский политический урок // ПР. 1926. № 7 (54). С. 71—72.

⁶² См. там же. С. 71; *Владимирова В.* Июльские дни 1917 года // ПР. 1923. № 5 (17). С. 7.

⁶³ Предложенная повестка дня была впервые опубликована в «Правде». 1917. 20 июня.

⁶⁴ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 181.

⁶⁵ *Сулимова М.* Это будет последний и решительный бой // Летопись Великого Октября. С. 105.

⁶⁶ См.: *Кедров М.* Всероссийская конференция военных организаций РСДРП(б) // Великая Октябрьская социалистическая революция. С. 78. В других воспоминаниях Кедров отождествляет себя с «горячими головами». Он пишет, что захват власти казался Военной организации простым делом, и, исходя из содержания бесед с Лениным до демонстрации 10 июня, он полагал, что тот придерживается того же мнения. В этом, вспоминал Кедров, «я глубоко ошибался» (см.: Из красной тетради об Ильиче // ПР. 1927. № 1 (60). С. 38—40).

⁶⁷ *Кедров М.* Всероссийская конференция военных организаций РСДРП(б) // Великая Октябрьская социалистическая революция. С. 78—79. Эта речь не включена ни в одно из собраний сочинений Ленина. Сокращенное изложение ее появилось в «Новой жизни» 21 июня 1917 г.; вариант Кедрова гораздо полнее. Оба были перепечатаны в «Записках Института Ленина». Т. 2. 1927. С. 48—49. Вывод Института Ленина гласит, что это единственные сохранившиеся отчеты о его выступлении. Интересно отметить, что Бюллетень конференции, газеты «Волна» и «Окопная правда» полностью проигнорировали его. Очень короткие сообщения появились 1 июля в «Звезде» и 27 июня в «Бакинском рабочем».

⁶⁸ См.: КПСС в резолюциях... Т. 1. С. 356.

⁶⁹ В конце конференции Каганович и Крыленко были избраны членами Всероссийского бюро Военной организации. Для осуществления руководства Военной организацией бюро оставалось в Петрограде. Кроме Кагановича и Крыленко, в состав этого органа входили В. И. Невский, Н. И. Подвойский, Е. Ф. Розмирович, К. А. Мехоношин, А. Я. Аросев, Ф. П. Хаустов, И. Л. Дзевалтовский (см.: *Рабинович С. Е.* Всероссийская конференция большевистских военных организаций 1917 г. // КЛ. 1930. № 5 (38). С. 124). В состав бюро были включены некоторые наиболее радикальные большевики. Складывается впечатление, что они имели в нем перевес.

⁷⁰ А. Васильев, сменивший Ф. Хаустова на посту редактора «Окопной правды», был одним из трех делегатов, представлявших фронтовые части в президиуме конференции. Он вместе с Шемаевым, делегатом от воинских частей Оренбурга, на протяжении всей конференции всячески рекламировал силу большевиков (см., напр., Бюллетень Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б). 1917. № 3. 18 июня. С. 1).

⁷¹ Там же.

⁷² По вопросу о наступлении была принята умеренная резолюция, предложенная Крыленко (32 голоса «за» при 21 воздержавшемся) см.: КПСС в резолюциях... Т. 1. С. 356—357). По всей видимости, из-за того, что во время голосования большинство делегатов конференции явно отсутствовало, а также по практическим соображениям Военная организация так и не приступила к выполнению этой резолюции.

⁷³ См.: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 185—199. Этот протокол также приводится в работе «Революционное движение: июньская демонстрация». С. 556—565.

⁷⁴ См.: *Невский В. И.* Народные массы в Октябрьской революции // Работник просвещения. 1922. № 8. С. 20—21.

⁷⁵ Полный перечень участников содержится в работе «Революционное движение: июньская демонстрация». С. 614.

⁷⁶ См.: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 200—205; Революционное движение: июньская демонстрация. С. 570—574.

⁷⁷ *Невский В. И.* Народные массы в Октябрьской революции // Работник просвещения. 1922. № 8. С. 21.

⁷⁸ В понедельник 19 июня «Правда» не выходила, а в номере от 20 июня о наступлении не упоминается вообще (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 365—367.— *Ред.*).

⁷⁹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 370—372.— *Ред.*

⁸⁰ 22 и 23 июня в газете кронштадтских большевиков «Голос правды» появились крупные передовые статьи, в которых повторялись идеи Ленина об отказе от немедленного выступления и о необходимости налаживания целенаправленной организаторской и пропагандистс-

кой работы. В обеих статьях решительно отвергались призывы к немедленному свержению Временного правительства. 2 июля (накануне июльских событий) главной темой «Голоса правды» были предстоящие выборы в Кронштадтскую думу.

⁸¹ См.: *Владимирова В.* Революция 1917 года: Хроника событий. Т. 3. С. 293—294.

⁸² Кроме поддержки позиции гренадеров-дезертиров в «Солдатской правде», лидеры Военной организации вели агитацию в частях Петроградского гарнизона от имени мятежных солдат. Их роль в разжигании волнений особенно очевидна в случае с Гренадерским резервным полком, в котором пропагандистские усилия членов Всероссийского бюро Военной организации 1 июля способствовали принятию резолюции, содержавшей призыв ко всем воинским частям и промышленным предприятиям Петрограда поддержать позицию гренадеров (см.: *Июльские дни в Петрограде.* Под ред. Тоболина А. М. // *КА.* 1927. № 5 (24). С. 26; *Миронов Т. Г.* Борьба большевиков за Петроградский гарнизон. С. 193).

⁸³ «Солдатская правда». 1917. 2 июля. Рядовой член Военной организации В. Яблонский также вспоминает о появлении в то время (то есть до 3 июля) листовок Военной организации с призывом к скорейшему восстанию против Временного правительства (см.: *Яблонский В.* 3—5 июля // *КЛ.* 1922. № 2—3. С. 160).